

тина как ректора эта демонстрация протеста имела последствием нервное потрясение, болезнь, санаторий и отставку¹¹². По предложению исполняющего с мая 1897 г. должность ректора В. Р. Розена Совет послал Никитину, находившемуся на лечении в Висбадене, телеграмму с пожеланиями полнейшего и скорейшего выздоровления и восстановления сил. Петр Васильевич незамедлительно ответил на эту телеграмму В. Р. Розену: «От глубины души благодарен Вам, дорогой Виктор Романович, и всем многоуважаемым членам Совета за добрую память и благие пожелания. Моя признательность тем живее, чем яснее я сознаю, как мало я сделал для того, чтобы заслужить честь, оказываемую мне такими изъявлениями истинно дружеского сочувствия. Не трудно любить и уважать такое учреждение, как Петербургский университет, и я не отрицаю, что с тех пор, как принадлежу ему, я всегда искренно желал служить его пользам и чести по мере моих сил и умения; но эта мера была слишком мала, а потому и это желанье слишком часто оставалось тщетным и бесследным»¹¹³.

Авторитет Никитина был столь высок, что историко-филологический факультет сразу после его ухода с поста ректора, 1 декабря 1897 г., избрал его своим деканом, и эту должность Никитин исполнял до своего назначения вице-президентом Академии наук в 1900 г.

Студенческие волнения в 1899 г.

Через год после ухода Никитина с поста ректора в Петербургском университете усилились студенческие волнения, которые взбудоражили петербургское общество и отозвались по всей России. 8 февраля 1899 г. в Петербургском университете должен был состояться торжественный акт

¹¹² Никитин получил отпуск с 1.04. по 15.09. 1897 г.: Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1897 г. СПб., 1898. № 56. С. 36. Заседание 20.05.1897.

¹¹³ ПФА РАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 4. Письмо Никитина В. Р. Розену 23.05.1897. Петр Васильевич писал Розену о ходе своего лечения, ни на минуту не забывая даже о ничтожных своих обязательствах: «Мое выздоровление, насколько я сам могу судить, идет удовлетворительно... Лечусь я почти исключительно праздностью. Все условия курортной жизни, а особенно созерцание тысяч людей, празднующихся в парке или толкущихся у колодца, так располагают к ничегонеделанью, что пока я боюсь одного: как бы не отвыкнуть от всякого труда. Если бы не семейные и денежные хлопоты, то и подумать серьезно было бы не о чем. Правда, порой и они бывают не легки, а все не то, что хомут службы. Чтобы не вспоминать о нем, воздерживаюсь от вопроса, который готов был вырваться из-под моего пера: что нового в университете?.. И еще просьба к Вам, как председателю Правления. Служивый, прислуживающий в ректорском флигеле, по имени Феон, по фамилии — не помню как, намеревался просить на каникулярное время недель на шесть отпуск в деревню. Человек он замечательного усердия, честности и деловитости и заслуживает всякого поощрения...». Там же. Л. 2 об.—3. Письмо 8.05.1897.

по случаю его 80-летия. Задолго до этого дня полиция приготовила усиленные меры для предупреждения беспорядков на улице. Зная об этих приготовлениях, ректор университета В. И. Сергеевич¹¹⁴ 4 февраля опубликовал в официальной газете «Новое время» и вывесил в университете «таксу за безобразия» — список штрафов за разные степени дебоша тем, кто нарушит порядок в день университетского акта. Оскорбительный тон ректорского объявления вызвал негодование наиболее горячих и несдержанных из студентов, они сорвали со стены ректорское объявление и разорвали его в клочья. 8 февраля студенты освистали ректора и не дали ему прочесть речь на торжественном акте¹¹⁵.

После бурного собрания в актовом зале толпа студентов и гостей (главным образом курсисток) собралась у Румянцевского сквера. По словам свидетеля этих событий, министра финансов С. Ю. Витте, полиция проявила «неполную тактичность»¹¹⁶. Конная полиция получила приказ разогнать толпу, причем в ход были пущены нагайки. Это избиение вызвало чрезвычайное возмущение студенчества и всего русского общества. Сначала объявил забастовку Санкт-Петербургский университет, затем забастовка протеста охватила все русские университеты и многие другие высшие учебные заведения, тех же, кто продолжал посещать лекции, упрекали в недостатке товарищества. По распоряжению министра народного просвещения Боголепова¹¹⁷ студентов за участие в беспорядках начали высылать из столицы¹¹⁸.

Расправа над студентами вызвала взрыв общественного негодования,

¹¹⁴ *Сергеевич Василий Иванович* (1832–1910) — историк права, один из основоположников государственной юридической школы в России, с 1872 г. профессор, с 1.12.1897. ректор Петербургского университета.

¹¹⁵ На акте по традиции читал научный доклад один из профессоров. На этот раз это был С. Ф. Ольденбург с речью: «Действительно ли буддизм проникнут пессимизмом?»: Протоколы С.-Петербургского университета за 1899 г. СПб., 1900. № 55. Годичный акт.

¹¹⁶ *Либанов Г. М.* Студенческое движение 1899 г. С документальными приложениями. СПб., 1901. С. 11.

¹¹⁷ *Боголепов Николай Павлович* (1846–1901), юрист по образованию, профессор римского права Московского университета, затем его ректор. С 1898 г. министр народного просвещения, смертельно ранен 14 февраля 1901 г. эсером П. В. Карповичем и 2 марта скончался. По отзыву современника, «Победолепов» и «Богоносцев» — два кита, пугающих всех, кому дорого российское просвещение, бедное, убогое, анемичное российское просвещение»: *Пресняков А. Е.* Письма к матери 1898–1899 гг. / Вступительная статья, публикация и комментарий Т. Н. Жуковской // Деятели русской науки XIX — XX веков. Вып. 2. СПб., 2000. С. 315.

¹¹⁸ 29 июля 1899 г. вступили в действие «Временные правила об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из сих заведений за учинение скопом беспорядков»: ПСЗ. Собр. третье. СПб., 1902. Т. XIX. № 17484.

наиболее горячими выразителями которого были академики А. С. Фаминцын и Н. Н. Бекетов¹¹⁹. Оказавшись очевидцами жестокой расправы полиции со студентами, они предприняли самостоятельное расследование происшедшего и 18 февраля подали докладную записку министру внутренних дел Горемыкину, а на следующий день добились аудиенции Николая II и подали ему жалобу, в результате чего была назначена комиссия для расследования причин и обстоятельств студенческих беспорядков во главе с генерал-адъютантом П. С. Ванновским¹²⁰. Несмотря на произведенное Ванновским расследование, Министерство народного просвещения продолжало высылать студентов, и в значительном количестве. Эти высылки производились крайне бестолково. В проскрипционные списки случайно попадали слушатели, сидевшие во время обструкции на лекции, аресту подвергались даже убежденные противники всяких беспорядков. Фаминцын частным образом подал Николаю II письмо, в котором умолял государя «прекратить эти высылки, угнетающим образом действующие на молодежь, за спокойствие которой нельзя было ручаться»¹²¹.

Совет профессоров поднял голос за честь университета. Причину студенческих волнений он видел «в общем взгляде на студенчество, установившемся в правительственных сферах, а затем и в обществе, как на элемент неблагонадежный в политическом и общественном отношении». «Нельзя забывать, — говорилось в заявлении Совета, — что в течение многих лет наша молодежь не слышала от общества ни единого ласкового слова, а много слышала слов укоризны, что она живет отчужденная, заподозренная; что в влиятельных сферах общества с именем студента привыкли соединять не представление о чем-то молодом и чистом в самом увлечении, а понятие о мрачной, злобной силе, грозящей всему существующему. Можно смело сказать, что только в одной России существует этот взгляд на учащуюся молодежь. Такой взгляд сплачивает учащуюся молодежь в нечто целое, и только этим можно объяснить, почему беспорядки, например, в Харькове, или Киеве находят себе отголосок и в Москве и в С.-Петербурге, в университетах и в других высших учебных заведениях»¹²².

¹¹⁹ Подробнее об участии А. С. Фаминцына в университетских делах в это время см.: *Строгонов Б. П.* Студенческие волнения и А. С. Фаминцын // *Строгонов Б. П.* Андрей Сергеевич Фаминцын. М., 1996. С. 94–111.

¹²⁰ *Ванновский Петр Семенович* (1822–1904), генерал, военный министр (1881–1898), член Государственного совета, министр народного просвещения с 19.03.1901 по апрель 1902 г.

¹²¹ *К. Р. Великий князь Константин Романов.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 253.

¹²² ПФА РАН. Ф. 39. Оп. 1. Д. 65. Л. 9 об.–10.

Совет профессоров Петербургского университета в полном почти своем составе — около 50 человек, сделал в середине февраля 1899 г. Министерству народного просвещения ряд заявлений о безотлагательных нуждах университета, о мерах, которые без промедления должны быть приняты для прекращения пагубнейших забастовок. Заявления эти были составлены в самых умеренных и беспристрастных выражениях, в их составлении участвовал и бывший ректор университета Никитин. К обращению профессоров Петербургского университета присоединились профессора и преподаватели других высших учебных заведений Петербурга. «Желая содействовать прекращению охвативших нашу молодежь волнений, вызванных прискорбным столкновением полиции со студентами университета 8 февраля сего года, — говорилось в обращении, — мы, нижеподписавшиеся профессора и преподаватели высших учебных заведений Петербурга, считаем своим нравственным долгом высказать мнение по этому вопросу.

Ближайшую причину волнений мы видим в данном случае в слишком жестком отношении полиции к учащейся молодежи, подчас проявляемом в оскорбительной форме. Подвергшиеся 8 февраля воздействию полиции юноши, по необходимости собранные в толпу, заслуживают, даже в своих увлечениях, более мягкого и сердечного к ним отношения. Придя к такому твердому убеждению, основанному на многолетнем опыте нашей преподавательской деятельности и близком общении со студентами, мы решаемся поднять свой голос в защиту молодежи. Не усматривая ни в беспорядке, произведенном на акте 8 февраля, ни в последующих столкновениях с полицией ни малейшей политической окраски, мы, для успокоения нервного возбуждения молодежи, вызванного разными случаями оскорбления личного ее достоинства, просим, вместо полицейского воздействия на студентов, предоставить Советам профессоров обсудить меры к успокоению молодежи»¹²³. 1 марта участники студенческих сходок решили вернуться к занятиям.

В мае 1899 г. Никитин находился в Москве как председатель испытательной комиссии на историко-филологическом факультете Московского университета, где как раз в это время обсуждался проект мер пресечения студенческих беспорядков, который сводился к двум предложениям: 1) вернуть в университеты возможно большее число уволенных и 2) уничтожить педелей. Ожесточение против педелей объяснялось просто: подобно тому как в Петербургском университете полицейские списки, так и в Москве показания педелей оказались средствами установления виновности, очень далекими от абсолютной точности. В число подвергшихся проскрипции будто бы попал даже один слушатель, которого во время беспорядков не

¹²³ Там же. Л. 20.

было уже на свете. «Смешно надеяться, что, если не будет педелей, то не будет и беспорядков, — так оценивал Никитин меры, предложенные Московским университетом. — Если бы такая надежда была позволительна, то нашему Правлению пришлось бы выставить проект уничтожения полиции. Такими фокусами не одолеть таких сил, как сила молодости и общие условия нашей русской жизни»¹²⁴.

Выступить заступником учащейся молодежи во время крупных студенческих волнений 1899 г. намеревался почетный член С.-Петербургского университета Президент Академии наук вел. кн. Константин Константинович, по крайне мере он высказал сожаление, что не он является министром народного просвещения. 19 марта 1899 г. он записал в своем дневнике: «Часто мне приходится слышать, что если бы я был министром просвещения, то беспорядков среди студентов не было, что я среди молодежи популярен. Да я и сам думаю, что, пожалуй, сумел бы с ними справиться; я люблю молодежь и доверяю ей. Но нет, я не попаду в министры; меня в высших сферах считают либералом, мечтателем, фантазером и выставляют таким перед Государем и он, думается мне, сам приблизительно такого же обо мне мнения»¹²⁵.

В это время правительству требовались люди совершенно другого, отнюдь не романтического склада...

* * *

12 июля 1900 г. Никитин был назначен указом Николая II вице-президентом Академии наук и оставил педагогическую деятельность. Накануне своей отставки он был утвержден в звании заслуженного профессора¹²⁶, а после того как он покинул университет — собрание историко-филологического, а следом и юридического факультета внесли в Совет университета предложение об избрании Никитина в почетные члены¹²⁷.

29 января 1901 г. Никитин был избран в почетные члены С.-Петербургского университета большинством 34 голоса против одного¹²⁸. Никитин

¹²⁴ Там же. Ф. 777. Оп. 2. Д. 311. Л. 9. Письма Никитина В. Р. Розену от 25 мая 1899 г.

¹²⁵ К. Р. Великий князь Константин Романов. Дневники. С. 254. Конечно, став министром, он лишился бы возможности заниматься своими любимыми трудами. Но как он сам признавался: «все-таки где-то внутри, в самых затаенных закоулках души, гнездились дурное чувство обиды на то, что мною не хотят пользоваться».

¹²⁶ Журнал заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1900 г. СПб., 1901. № 56. С. 74. Заседание 18.12.1900. В 1894 г. Никитин был награжден орденом св. Станислава I степени.

¹²⁷ Там же. С. 101. Заседание 18.12.1900.

¹²⁸ Журнал заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1901 г. СПб., 1902. № 57. С. 14.

был очень польщен оказанной ему честью и выразил свою благодарность в проникновенном письме, адресованном сменившему его на посту ректора А. Х. Гольмстену и Совету университета: «Это почетное избрание, — писал Никитин, — о котором я в течение тридцати с лишком лет, протекших с окончания моего студенчества, и одного мгновения не мечтал, как о чести, далеко превышающей мои силы, я искренно отношусь исключительно к тому нежному чувству, с коим наша родная *Alma mater* заботливо следит за успехами своих прежних питомцев, и в своем материнском пристрастии она на этот раз сильно преувеличила высокой оценкой достоинства одного из них»¹²⁹. Позже Никитин был избран почетным членом Дерптского университета (1902 г.), университета св. Владимира (1903 г.) и Петербургской духовной академии (1910 г.). Н. Н. Глубоковский, сообщив Никитину об этом последнем избрании, заметил: «Это доставляет честь и почет самой Петербургской духовной академии, хотя, хочется верить и думается, что и для Вас не безразлично убедиться в том, что Академия считает Вас не „дезертиром“, а дорожит таким сыном духовной школы»¹³⁰.

Летом 1901 г. исполнилось 30 лет педагогической и научной деятельности Никитина. В журнале «Филологическое обозрение» юбилею Никитина была посвящена небольшая заметка, в которой он назван «достойным преемником славы знаменитого Наука» и отмечено «глубокое понимание психологии студента»¹³¹.

К юбилею товарищи и ученики Петра Васильевича подготовили сборник статей, составленный в его честь: «*Commentationes Nikitinianae*: Сборник статей по классической филологии в честь Петра Васильевича Никитина по поводу 30-летия служения его русскому просвещению 1871–1901». В сборнике участвовали: А. И. Пападопуло-Керамевс, А. И. Малеин, А. Г. Бекштрем, А. В. Никитский, Ф. Ф. Зелинский, Ф. Э. Видеман, Г. Ф. Церетели, Б. А. Тураев, М. И. Ростовцев, Э. А. Верг, А. М. Ловягин, С. А. Селиванов, Г. Э. Зенгер, С. И. Соболевский, М. М. Покровский, С. Н. Жданов, Ф. Е. Корш, Р. Х. Лепер, А. М. и Е. М. Придик, И. В. Нетушил, К. Крумбахер, В. П. Бузескул, Ф. Г. Мищенко, Г. Г. Зоргенфрей, Ф. Ф. Соколов, М. А. Холодняк, Г. К. Шмидт, А. А. Малинин, Ф. И. Шмит, А. Ф. Энман, М. Н. Крашенинников, В. В. Латышев, Б. М. Мелиоранский, А. Н. Деревницкий, В. К. Ернштедт, Я. И. Смирнов, С. А. Жебелев, В. Э. Регель.

¹²⁹ Там же. С. 62. Заседание 7.05.1901.

¹³⁰ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 17. Л. 5. Письмо Н. Н. Глубоковского П. В. Никитину от 28.01.1910.

¹³¹ Петр Васильевич Никитин (По поводу тридцатилетия научно-педагогической деятельности) // ФО. 1901. № 3. С. 159. Благодарю И. В. Черказьянову за указание на эту работу.

Вручая юбиляру этот сборник, Ернштедт поздравил его словами: «Летом нынешнего года исполнилось 30 лет служения Вашего науке и просвещению. Эта годовщина застала Вас на высоком посту вице-президента Академии наук. Можно поздравить Вас с таким постом, можно поздравить Академию с таким вице-президентом. Но мы не за этим явились сюда. Мы пришли поздравить с недавно минувшим юбилеем ученого Никитина, солидного и остроумного, талантливое и серьезного ученого, мы пришли выразить наше сочувствие и признательность профессору, который, к сожалению, прекратил свою профессорскую деятельность, но был таким превосходным товарищем и наставником, что никогда не изгладится благодарная память о нем среди сумевших оценить его бывших слушателей, а сослуживцы его, в особенности товарищи по специальности, долго будут искренне скорбеть о его уходе»¹³².

¹³² ПФА РАН. Ф. 73. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–2. Речь В. К. Ернштедта, посвященная 30-летию деятельности академика П. В. Никитина.